

«Никто не забыт и ничто не забыто» - эти крылатые слова обязывают ко многому. В год 70-летия Великой Победы мы продолжаем печатать воспоминания свидетелей войны.

В те страшные и героические годы фронта было два: один – воинский, другой – трудовой. Воспоминания тружеников тыла дополняют картину войны. В бесхитростных и искренних, удивительно подробных рассказах оживают люди и события, в них – горечь, память, урок. Сегодня мы печатаем воспоминания Татьяны Николаевны Даниловой и благодарим её за то, что она ими поделилась с нами.

«Всё моё детство прошло в страхе и голоде...»

Я, Данилова Татьяна Николаевна, родилась в семье простых рабочих. Отец был кочегаром, мама - пекарем. В семье было пятеро детей, я – четвертая. Детство мое прошло в Коммунаре, куда моя семья переехала из Калининской области. Дом стоял у школы. Война началась, когда я окончила пятый класс. 26 июня нас вывезли на машине в Ленинград, в эвакуацию. Ночью перед отъездом родители вырыли яму, свалили в неё вещи, что получше, и закопали.

Поселили нас на Разъезжей улице, дом 5. Это была школа. В одном классе жили 43 человека (к моменту отъезда осталось 9 человек). Спали на нарах. Парового отопления тогда не было, ломали парты, топили печи. Помню, как я ходила в магазин, а мама с сестрами лежали, опухшие, на нарах. За водой ходила на Неву. Варить было нечего, поэтому носила воду в трехлитровом бидоне, только попить.

Сначала нас всех «прикрепили» к столовой ремесленного училища. Кормили тем, что было, а когда наступил голод, подростки-ремесленники отбирали у нас еду. Бомбежки мы пересидели в школьном бомбоубежище, тут же складывали тела умерших. Вонь стояла страшная, многих рвало, а и рвать-то нечем: хлеб да вода. Помню, как на карточку дали кусок сыра. Я его несла, крепко прижав к себе. А мальчишка сзади подобрался и сломал мой сыр. Вступился за меня прохожий старик. А еще помню: в переулке пала лошадь. Все отрывали от неё, кто что сможет. А я маленькая, подошла сзади и прошу: «Дайте хоть что-нибудь!». Мне кинули лоскут кожи. Потом мама скоблила эту кожу и варила. А что варить-то: кожа - кожа и есть. Только вода мутная. Ну, хоть что-то.

Отца и двух старших братьев сразу забрали на фронт. Отец воевал на Ленинградском фронте. Только после войны нас нашла похоронка, что погиб он в 1943 году и похоронен на Пискаревском кладбище. Два брата вернулись с войны раненые, правда, прожили недолго.

Вывозить из блокадного Ленинграда нас начали зимой 1942 года. Сначала на баржах. Сидели в очереди на баржу, ждали, когда погрузят. Две баржи пошли по Неве, но их разбомбили фашисты. Поэтому нас завернули. Потом нас вывозили на машинах. Это было ближе к весне, машины тонули, уходили под лёд. Нас снова завернули, опять поселили на Разъезжей в доме 5. Жили на третьем этаже. Когда в школе разбомбили один угол, мы просто перебрались в другое помещение. Окончательно нас вывезли из Ленинграда в марте 1942 года по Северной железной дороге. Накануне мама положила в печь мои валенки сушить, а соседка пришла ужин разогреть и растопила печь. Так мои валенки и сгорели. Ноги мне чем-то обмотали, и я поехала.

Ехали в товарном вагоне. Пути разбомбят, мы стоим, ждем, когда их починят. Свисток давали неожиданно, и поезд трогался. Кто отстал – тот отстал. Люди карабкались по снегу, по обледеневшим приступкам в вагон. Я же никуда не выходила – не в чем, ноги обмотаны. Помню станцию Бабаево в Вологодской области, на ней мы прожили целую

неделю. Нас там хорошо кормили, ещё и с собой паёк дали. Военные давали хлеб, а какие-то старухи дали картошки. Мы маме говорили: «Теперь очистки с картошки срезать не будем. Так будем есть. Так вкуснее!».

Целый месяц мы ехали до станции Бежецк в Калининской области. В Бежецке у нас украли чемодан, когда мы спали ночью – по трое на нарах в обледеневшем вагоне. Пропали все документы и все вещи. В Бежецке кто-то дал нам деревянные саночки, и мы шли пешком двадцать километров до деревни Кончинка. Это родина мамы и папы. Несколько раз ночевали в деревнях. Люди пускали, кормили, кто-то дал мне валенки. Добрались до места. Жили в одном доме десять человек: бабушка (мать отца), её дочь с четырьмя детьми и моя мама с тремя дочками. Так мы прожили год. Когда приехали – без денег, без документов, без вещей и, главное, без карточек – мы с сестрой пошли побираться по деревне. Сестра идет по одной стороне улицы, я по другой. Старшая сестра с нами не ходила, ей было 17 лет, ей было стыдно. А нам не стыдно. Бабушка была старенькая, у неё ничего не было.

Так побирались неделю. Потом как-то пообжились. Стали жить и работать в деревне. Мне было 13 лет, и я работала на ферме. У меня было шестнадцать коров. Надо было на всех наносить воды из колодца. Надо было растаскать в корзине сено в кормушки для каждой коровы. Потом доила. Убирала навоз. На ферме я проработала пять лет. В школу ходила один или два раза в неделю, и то когда мама отпустит. Делала и другую работу. В деревне осталось только двое мужчин, и тяжело работать приходилось всем. Пахали на быках. Я боронила на быках поле. Ездили на лесозаготовки за 40 и более километров. Я возила туда фураж - корм для лошадей. Мама меня отпускала, не боялась, да раньше о плохом и не думали. Однажды присел на мою телегу дезертир. В кителе и с винтовкой. Он мне сказал, чтобы я ноги в фураж зарыла, а то отморожу. Потом по дороге слез, ничего плохого мне не сделал. А я поехала дальше.

Победа застала меня в деревне. В 1948 году я вышла замуж, а в 1951 году вернулась в Коммунар.

Опубликовано в газете «Комминфо», 2015 год, июнь